
Военнопленные в Магнитогорске: особенности повседневной жизни и стратегии выживания (1945–1950 гг.)

Надежда Макарова

Prisoners of war in Magnitogorsk: daily life and survival strategies, 1945–1950

Nadezhda Makarova (Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia)

В последние годы история пребывания и репатриации военнопленных в СССР привлекает пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей. Изучаются разнообразные стороны этой проблемы: численность военнопленных на территории СССР, условия их содержания¹ и медико-санитарного обслуживания², особенности оперативной³, политической, воспитательной работы⁴, трудовое использование⁵, механизм возвращения на родину⁶. Однако создание целостной картины положения военнопленных в Советском Союзе невозможно без изучения их повседневной жизни, стратегий выживания в условиях плена. Военно-историческая антропология, призванная изучать «человеческое измерение» войны, до сих пор не уделяла должного внимания вопросам адаптации и выживания военнопленных. По мнению В. П. Галицкого и В. И. Коротаева, данная проблематика разработана явно недостаточно, особенно на локальном уровне⁷. По справедливому замечанию В. М. Кириллова, важнейшей задачей в данный момент является «продолжение углублённых исследований на региональном уровне».

© 2016 г. Н. Н. Макарова

¹ *Маркдорф Н. М.* Материально-бытовые проблемы лагерей НКВД–МВД СССР для военнопленных в Западной Сибири и пути их разрешения // Известия Саратовского университета. 2012. № 4. С. 108–113.

² *Кузьминых А. Л.* Медико-санитарное обслуживание военнопленных в лагерях и спецгоспиталях Архангельской и Вологодской областей (1939–1949) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2006. № 2. С. 12–20; *Маркдорф Н. М.* Медико-санитарное обеспечение иностранных военнопленных и интернированных в лагерях и рабочих батальонах Западной Сибири: 1943–1950 // Вестник Омского университета. 2012. № 3. С. 142–146.

³ *Маркдорф Н. М.* Лагерный персонал и охрана иностранных военнопленных в Западной Сибири (1945–1949) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 94–97.

⁴ *Коротаев В. И.* Проблема социалистического перевоспитания военнопленных в 1944–1948 гг. на примере лагеря № 211 // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2009. № 1. С. 18–26.

⁵ *Украинцев А. М.* Принудительный труд в СССР: от административно-мобилизационной до пенитенциарной системы // Вестник Курганской государственной сельскохозяйственной академии. 2012. № 2. С. 78–83.

⁶ *Сидоров С. Г.* Репатриация военнопленных из СССР в 1947–1950 гг. // Власть. 2012. № 2. С. 156–160; *он же.* Особенности проведения репатриации иностранных военнопленных из СССР в 1945–1946 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 1. С. 67–75.

⁷ *Коротаев В. И.* Проблема выживания военнопленных в советских лагерях. На примере лагеря № 211, 1944–1948 гг. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2008. № 4. С. 11–18; *Галицкий В. П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953). М., 1997.

В историографии проблемы следует выделить два периода. Первый охватывает время со второй половины 1940-х до конца 1980-х гг., когда шло накопление источниковой базы. Так, в ФРГ и ГДР опубликованы мемуары о жизни бывших солдат и офицеров вермахта в советском плену⁸, в которых наряду с заведомо предвзятыми оценками можно найти и вполне объективные описания⁹. Появились и исследования на основе опросов немецких военнопленных, проводившихся в 1946–1957 гг.¹⁰ Материалы, публиковавшиеся в СССР (в основном в прессе) главным образом концентрировали внимание на гуманном отношении к поверженному врагу. Второй период начался в 1990-х гг. Для него характерен всплеск интереса к теме военнопленных в российской исторической науке, многочисленные совместные научные изыскания отечественных и германских учёных¹¹. Среди наиболее плодотворных исследователей истории иностранных военнопленных в СССР необходимо отметить В.Б. Конасова¹², С. Карнера¹³, А.Е. Елифанова и Х. Майера¹⁴, М. Борхарда¹⁵, А.Л. Кузьминых¹⁶.

Целью данной статьи является, прежде всего, характеристика повседневной жизни военнопленных в лагерных отделениях Магнитогорска и выявление основных стратегий выживания в плену. Повседневная жизнь как отдельного человека, так и социальных общностей складывается из множества факторов, которые условно можно сгруппировать в две категории. Первая охватывает материальную сферу – жилищные условия, качество снабжения продуктами питания и иными товарами первой необходимости, уровень благоустройства. Вторая – духовная, включающая возможность нормального с точки зрения нравственности существования, психического состояния, получения здоровых эмоций и возможности их выражения, ощущения безопасности и т.д. Взаи-

⁸ *Bohn H.* Die Letzten. Was wurde und was wird aus den deutschen Gefangenen in Sowjetrußland und den anderen Ostblockstaaten. Köln, 1950; *Fischer K.J.* Die Gefangene von Stalingrad. Heilbronn, 1948; *Kremer R.* Die Tod-geglauten. Erlibnisbericht aus russischer Gefangenschaft. Berlin, 1947; *Vieweg R.* Ein Heimkehrer erzahlt. Berlin, 1952; *Hieronimi H., Klein J.K.* Stacheldracht, Hunger, Heimweh. Eine Erinnerung. Düsseldorf, 1955.

⁹ *Gollwitzer H.* «...und fuhren, wohin du nicht willst». Bericht einer Gefangenschaft. München, 1951; *Dibold H.* Arzt in Stalingrad. Passion einer Gefangenschaft. Salzburg, 1949.

¹⁰ Zur Geschichte der Kriegsgefangenen im Osten. Deutsches Rotes Kreuz. Suchdienst. Bielefeld, 1958.

¹¹ *Müller K.B. u. a.* Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in Sowjetunion 1941–1945. Köln; Weimar, 1998; *Zeidler M., Schmidt U.* (Hrsg.), Gefangene in deutschem und sowjetischem Gewahrsam 1941–1956: Dimensionen und Difinitionen // Berichte und Studien des Hannah-Arendt-Instituts. № 23. Dresden, 1999; Проблемы военного плена: история и современность. Вологда, 1997; Трагедия войны – трагедия плена // Мемориальный музей немецких антифашистов. М., 1999.

¹² *Конасов В.Б.* Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.

¹³ *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941–1956. М., 2002.

¹⁴ *Елифанов А., Mayer H.* Die Tragödie der Deutschen Kriegsgefangenen in Stalingrad von 1942 bis 1956 nach Russischen Archivunterlagen. Osnabrück, 1996; *Елифанов А.Е.* Ответственность за военные преступления, совершённые на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956 гг. Волгоград, 2005.

¹⁵ *Borchard M.* Die Deutsche Kriegsgefangenen in der Sowjetunion: Zur politischen Bedeutung der Kriegsgefangenenfrage 1949–1955. Düsseldorf, 2000.

¹⁶ *Кузьминых А.Л.* Организация охраны военнопленных и интернированных в лагерях НКВД–МВД СССР // Вестник института: преступление, наказание, исправление (Вологда). 2013. № 2. С. 82–89.

модействие указанных пластов повседневности и формирует стратегии выживания, так как от уровня материального благосостояния во многом зависит психосоматическое состояние человека и, следовательно, формы его адаптации к окружающей действительности. Ш. Фицпатрик определяет повседневность как «историю обиходных практик», т.е. «форм поведения и стратегий выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специфических социально-политических условиях»¹⁷. Вне всякого сомнения, плен выступал той специфической средой, где люди были вынуждены вырабатывать особые стратегии выживания.

В основу данной статьи положены разнообразные виды источников, в большинстве ранее не публиковавшихся. Делопроизводственная документация, почёрпнутая в муниципальном архиве Магнитогорска, представлена актами обследования лагерных отделений, приказами, служебными записками, отчётами различных управлений и проч. Сохранность документации оставляет желать лучшего. До нас дошли материалы по каждому из четырёх лагерных отделений Магнитогорска, но перечни документов внутри каждого фонда существенно различаются. Так, фонд отделения № 21 богат приказами по личному составу и военнопленным, представленными в хронологической последовательности и оформленными строго по шаблону. Фонд отделения № 23 изобилует актами обследований содержания военнопленных, учёта хранения директив различного рода, отчётами по питанию, снабжению и проч. Фонд отделения № 22 в основном представлен распоряжениями по продфуражной службе, подсобному хозяйству. Наконец, фонд, образованный на основе документов отделения № 24, на территории которого располагался спецгоспиталь, содержит отчёты о заболеваемости среди военнопленных и интернированных рабочих. Стоит отметить, что ряд дел различных фондов, связанных с трудовой деятельностью военнопленных, был изъят из муниципального архива и передан в архив МВД, где хранится под грифом «секретно».

Источники личного происхождения представлены материалами устной истории и воспоминаниями. Автор на протяжении ряда лет собирала интервью со старожилами Магнитогорска, результатом чего стало выявление сюжетов, связанных с пребыванием здесь военнопленных. Опубликованные воспоминания принадлежат В.П. Баканову – участнику Великой Отечественной войны, в 1945–1950 гг. сотруднику лагерных отделений города.

Завершающий этап войны характеризовался, среди прочего, резким увеличением числа военнопленных в СССР: наступление 1944 г. добавило в лагерь сотни тысяч, а в период с января по май 1945 г. их количество возросло с 700 тыс. до 2 млн человек¹⁸. Содержать их было решено подальше от линии фронта – на Урале¹⁹. Данный регион с огромным количеством промышленных предприятий остро нуждался в рабочей силе, поэтому основными центрами сосредоточения пленных стали промышленные города: Алапаевск, Асбест, Невьянск, Нижний Тагил, Свердловск, Челябинск, Магнитогорск, Оренбург,

¹⁷ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: социальная история советской России: город. М., 2001. С. 7.

¹⁸ *Depretto J.-P.* The categories of forced labor in the Ural during WWII // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 3. С. 332.

¹⁹ *Мотревич В.П.* Лагерь для иностранных военнопленных и интернированных лиц на Урале в 1942–1955 гг.: численность и дислокация // Подвиг Урала в исторической памяти поколений. Шестые Уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2010. С. 347–348.

Пермь и др. Всего на Урал было направлено 250 тыс. военнопленных, свыше 100 тыс. из которых прошли через разветвлённую сеть лагерей на Южном Урале (9 лагерей, 5 отдельных рабочих батальонов и 9 спецгоспиталей).

В конце 1944 г. в Магнитогорске было создано лагерное управление по делам военнопленных и интернированных № 257 Челябинской обл. во главе с капитаном госбезопасности А. Буцким. Управление располагалось на трёх участках города: в Брусковом посёлке, на правом берегу и второй плотине. Два первых участка представляли собой непосредственно рабочие отделения, а на плотине располагался спецгоспиталь для военнопленных. В мае 1946 г. управление лагеря было ликвидировано, в Магнитогорске остались лагерные отделения, численность и нумерация которых постоянно менялись. В итоге к 1947 г. в городе функционировало четыре отделения: № 21 на правом берегу (фактически стало правопреемником правобережного отделения ИТК); № 22 на правом берегу; № 23 на метизной площадке; № 24 с госпиталем на плотине. Численность военнопленных и интернированных постоянно менялась, но в среднем в 1947 г. в Магнитогорске содержалось порядка 4.5 тыс. пленных разных этнических групп (немцы – 78.4%, венгры – 12.2, австрийцы – 7, румыны – 2.4, французы – 0.05%). В 1948 г. отделения № 22 и № 23 были ликвидированы, в городе оставалось порядка 2 тыс. военнопленных. С учётом миграционных процессов и движения контингентов через лаготделения Магнитогорска за 1944–1950 гг. прошло около 10 тыс. человек. Отделение № 24 было упразднено в августе 1949 г., а № 21 – в январе 1950 г.

Как показывают различные свидетельства, жилищные условия военнопленных были в целом неудовлетворительными. Большая их часть располагалась в землянках засыпного типа и бараках. Ещё одна группа проживала в банях лаготделения, в гараже или на складе, хотя эти виды жилья считались временными на период ремонта или постройки новых бараков. Наиболее сложным этапом оказались 1944–1945 гг., когда в город стали пребывать военнопленные, а лагерь для их содержания ещё не подготовили. Правда, в последующие годы качество бытовых условий существенно улучшилось и магнитогорцы вспоминали, что «некоторые горожане жили хуже пленных немцев»²⁰. По воспоминаниям Баканова, «они находились на полном гособеспечении. Получали паёк наравне с нашими солдатами. Норма хлеба – 800 г в день. Было обеспечено полное медицинское обслуживание. Проводились бесконечные проверки и обследования соблюдения всех норм проживания»²¹.

По данным акта обследования жилищных условий военнопленных в отделении № 23 на 15 февраля, контингент размещался в 28 землянках, 1 деревянном бараке и 3 землянках полубарачного типа общей площадью 3 184 кв. м, что составляло 2.2 кв. м полезной площади на человека. Состояние жилого фонда по условиям 1945 г. могло считаться удовлетворительным. Шесть землянок были полностью отремонтированы: оштукатурены, побелены, вставлены окна, навешаны двери, перебраны полы и потолки, отремонтированы печи и дымоходы. Девятнадцать землянок требовали ремонта, так как перекрытия были ветхими и держались на подпорках. Оставшиеся шесть находились в самом плохом состоянии. Внутри жильё было оборудовано двухъярусными железными

²⁰ Воспоминания О.В. Быстровой. Записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

²¹ Воспоминания В.П. Баканова (URL: <http://wikimapia.org/22281145>. Дата обращения: 28.07.2016).

кроватями. В помещениях царили сырость и грязь, что было вызвано не только климатическими особенностями, но и хранением угля для топки землянок и воды для умывания непосредственно в жилой части. Комиссия по проверке жилого фонда отметила, что «личные вещи военнопленных хранятся, где попало. Койки заправляются небрежно»²². Условия проживания военнопленных отделения № 21 зимой 1946 г. были аналогичными. Контингент размещался в отдельном деревянном здании общей площадью 1 591 кв. м, что составляло 1.46 кв. м на человека²³.

Отчёты лагерных отделений по вещевому содержанию военнопленных показывают, что по количеству наличных вещей ситуация была вполне нормальной. Так, на 10 мая 1946 г. в отделении № 23 при контингенте в 1 559 человек числилось 1 629 шапок, 1 762 пальто, 1 751 шаровар, 3 118 рубашек, 862 полушубков, 1 062 пары валенок и т. д. В то же время качество вещей было крайне низким: требовали ремонта почти 40% головных уборов, 43% пальто, 50% шаровар, 27% рубашек и 56% валенок²⁴. Особенно остро стояла проблема обеспечения обувью: по данным на лето 1946 г., 95% кожаной обуви было изношено²⁵. Отделение № 21 также нуждалось в обуви: зимой 1946 г. контингент численностью 1 249 человек был обеспечен валенками только на 70%, а нехватка кожаной обуви к весне составила 49.3%²⁶.

Питание военнопленные получали три раза в день, одновременно проводилась выдача хлеба порциями 370, 300 и 300 г. Обеды к месту работы доставлялись в специальной посуде. На завтрак и обед выдавалось по два блюда, на ужин – одно и сладкий чай. Дополнительное питание военнопленным I и II категорий, работавшим по 8 ч, выдавали хозяйственные организации. III категория военнопленных, работавшая 4 ч в день, получала дополнительное питание от лагеря в случае перевыполнения норм²⁷. Картофель и овощи контингент получал преимущественно без замены крупами (однако были исключения)²⁸. Питание лазаретных больных и ослабленного контингента организовывалось особым образом: больные получали пятиразовое питание (для некоторых накрывали индивидуальные столы по назначению врача), ослабленные – четырёхразовое по строгому расписанию²⁹.

Перебои в снабжении отделений на протяжении исследуемого периода были делом обычным. Преимущественно они касались мяса и рыбы, а также масла, жиров, сахара, т. е. наиболее значимых с точки зрения калорийности продуктов³⁰. В этой связи в отделении № 21 было создано подсобное хозяйство, в котором занимались выращиванием овощей и свиней, выстроена собственная пекарня³¹. В отчётах о качестве питания военнопленных содержится информация о калорийности – требуемой по нормам и реальной. Так, в отделении № 23 в период с января 1948 г. по сентябрь 1949 г. вместо требуемой калорийности блюд у рабочих I категории 833.418 ккал в сутки в реальной пайке оказывалось

²² Магнитогорский городской архив (далее – МГА), ф. 157, оп. 1, д. 1, л. 6.

²³ Там же, ф. 159, оп. 2, д. 1, л. 12.

²⁴ Расчёт автора по данным: там же, ф. 157, оп. 1, д. 1, л. 20.

²⁵ Там же, л. 27.

²⁶ Там же, ф. 159, оп. 2, д. 1, л. 12. Расчёт автора.

²⁷ Там же, л. 2.

²⁸ Там же, ф. 157, оп. 1, д. 1, л. 30–30 об.

²⁹ Там же, ф. 159, оп. 2, д. 1, л. 1 об.

³⁰ Там же, ф. 157, оп. 1, д. 1, л. 7.

³¹ Там же, ф. 159, оп. 1, д. 1, л. 2 об.

388.8542 ккал; у военнопленных с диагнозом «дистрофия» суточная калорийность была занижена в 2.1 раза, а у ослабленного контингента – в 2.2 раза³².

Нерегулярные проверки работы пищеблоков и раздаток в лагерных отделениях Магнитогорска выявляли разнообразные нарушения, наибольшее распространение среди которых получило обнаружение излишков или недостачи продукции. Фактически это означало нехватку веса и калорий пайка военнопленных и «перебрасывание излишков» в пайки сотрудников военизированной охраны (последние получали пайки, крайне скудные даже по сравнению с военнопленными). Так, 20 марта 1947 г. в отделении № 23 были выявлены излишки масла сливочного (210 г), муки разных сортов (1 180 г), крупы овсяной (720 г), колбасы (520 г) и установлена недостача сахара (336 г), муки разных сортов (1 070 г), крупы манной (700 г), рыбы свежей (1 080 г)³³. Для улучшения питания, разнообразия рациона военнопленные занимались заготовкой продуктов на зимний период. Так, в 1947 г. планировалось заготовить зелени 3 600 кг, шиповника 10 кг, грибов 600 кг, ягод 220 кг³⁴.

Число пациентов амбулаторий лаготделений было стабильно высоким на протяжении всего рассматриваемого периода. Сравнение численности контингента отделения № 23 и количества посетителей поликлиники показывает, что практически все военнопленные в ней перебивали, а в некоторых случаях число посещений превышало численность контингента, т.е. в лазарет ходили несколько раз. Преимущественно это наблюдалось в зимнее время. Количество больных, обратившихся в амбулаторию в первый раз, было стабильно высоким – 45–60% общего числа обращений. Любопытно, что освобождение от работ получал каждый третий военнопленный, а общее число дней освобождения от работы за май 1946 г. – август 1947 г. составило 10 266, т.е. не более 1.3 дня на военнопленного, получившего право не работать по состоянию здоровья. Стационарную медицинскую помощь получало гораздо меньшее число обратившихся (1 649), однако количество дней, проведённых в больнице, составило 23 927, т.е. более 14 дней на каждого поступившего. Аналогичные показатели отмечались и в других отделениях. Так, в течение марта 1946 г. в отделении № 21 за медицинской помощью впервые обратилось 1 065 человек, т.е. 49% от списочного состава военнопленных, вторично – ещё 2 232. При столь значимых показателях обращений освобождение от работ получили 1 222 военнопленных (56% списочного состава) на 2 126 дней³⁵.

Лазарет на 120 коек был расположен в одном из деревянных бараков общей площадью 450 кв. м и соответствовал всем базовым требованиям к медицинским учреждениям. При нём функционировали изолятор, амбулатория, перевязочная, операционная, зубной кабинет, раздаточная, кладовая³⁶. В спектре заболеваний, распространённых среди военнопленных, лидировали «хирургические болезни», предполагавшие различные врачебные вмешательства (17.45%). Вторую позицию занимали фурункульные заболевания (11.63%), возникавшие в условиях общей антисанитарии, постоянных простуд и переохлаждения. Третью строчку заняли «потёртости» (11.42%), также, несомненно, вызывавшиеся антисанитарией, отсутствием сменного белья и портянок.

³² Там же, ф. 157, оп. 1, д. 7, л. 7.

³³ Там же, оп. 2, д. 1, л. 16.

³⁴ Там же, ф. 159, оп. 2, д. 5, л. 93.

³⁵ Там же, д. 1, л. 2 об. Расчёт автора.

³⁶ Там же, ф. 157, оп. 1, д. 1, л. 6.

Многочисленные отчёты начальника лагерного управления говорили о том, что контингент не получал портянок с момента прибытия в город, а старые пришли в полную негодность.

Значительную долю среди заболеваний составляли кожные (9.58% от общего числа), желудочно-кишечные (7.68%), лихорадка и различные заболевания органов дыхания (по 3.5%), отолорингические (2.61%), грипп (2.29%), ревматизм (2.15%), глазные (1.81%), сердечно-сосудистые (1.56%) и т. д. В целом практически все болезни порождались социально-бытовыми условиями, недостаточным и недоброкачественным питанием. Лишь 21% составляли иные заболевания (воспаление лёгких, болезни печени, селезёнки, дистрофия и др.); 0.17% – травмы, полученные на производстве.

Начальникам лагерей было приказано соблюдать Женевскую конвенцию. Несмотря на то, что не все её пункты выполнялись, положение военнопленных было легче, чем у заключённых в лагерях: размер пайка немного выше, а условия быта чуть лучше. Подобные минимальные отличия, правда, в целом не снижали уровня смертности. По оценкам одних историков, в лагерях умерло порядка 15% от общего числа пленных³⁷. Другие исследователи, в частности В.Б. Конасов³⁸, указывали, что лагерные начальства манипулировали статистическими данными. В результате, по мнению А. Хильгера, в лагерях могли умереть до 30% контингента³⁹. Эти тенденции характеры и для Магнитогорска, однако по официальной статистике случаи смертности в лагере на территории города были относительно редки. От эпидемических заболеваний смертей не фиксировалось вовсе. В значительной мере это объяснялось наличием у магнитогорских врачей опыта лечения таких заболеваний и их профилактики. В частности, всем военнопленным по прибытии в город делали прививки от тифа, натуральной оспы, желудочно-кишечных заболеваний (регулярно прививались также сотрудники лагерных отделений и члены их семей)⁴⁰, контингент три раза в месяц проходил санитарную обработку в бане⁴¹.

По данным В.П. Мотревича, за 1944–1949 гг. в Свердловской обл. было захоронено 14 306 человек, в Курганской – 687, в Оренбургской – 6 138, в Пермской – 1 442, в Башкирии – 133. В Челябинской обл. за указанный период отмечено 2 220 захоронений⁴², из них в Магнитогорске не более 1 300, причём основной причиной смерти оказались ранения, полученные на фронте. Сравнительно высокая смертность (15–20%) наблюдалась в первое время функционирования лаготделений (1944–1945 гг.), в условиях отсутствия развитой инфраструктуры. Так, за 10 дней ноября 1944 г. в отделении № 21 умерло 89 человек, за декабрь этого же года – 274, в январе 1945 г. – 265. Самыми распространёнными диагнозами были дистрофия (39.6%), дизентерия (30.5%), воспаление лёгких (10.7%)⁴³. В период февраля–марта 1945 г. отмечалось, что, несмотря на проводимые мероприятия, смертность среди военнопленных не снижалась:

³⁷ Depretto J.-P. Op. cit. С. 333.

³⁸ Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда, 2002.

³⁹ Хильгер А. Немецкие военнопленные и их опыт соприкосновения со сталинизмом // Сталинизм и немцы: новые исследования. М., 2009. С. 150–175.

⁴⁰ МГА, ф. 156, оп. 2, д. 5, л. 17.

⁴¹ Там же, ф. 157, оп. 1, д. 1, л. 6.

⁴² Мотревич В.П. Кладбища военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 1. Екатеринбург, 2001. С. 172–193.

⁴³ МГА, ф. 159, оп. 3, д. 1, л. 7.

умерли 469 военнопленных, в том числе от туберкулёза лёгких – 28 человек, от крупозного воспаления лёгких – 35, от дистрофии – 348, от болезней сердечно-сосудистой системы – 26, от нефрита – 8, от острых желудочно-кишечных заболеваний – 14⁴⁴.

Анализируя данные смертности с учётом дня госпитализации, выясняем, что 30% смертей приходилось на первый–третий дни госпитализации; 28.8% – на четвёртый–десятый; 20.7% – на десятый–двадцатый; 21.3% – на двадцатый день и более⁴⁵. С одной стороны такие цифры свидетельствуют о том, что в Магнитогорск прибывали тяжело больные, ослабленные военнопленные, возможности выздоровления которых были незначительны; с другой, оперативность выявления заболеваний и определение физического состояния контингента явно находились на низком уровне. Впрочем, постепенно ситуация улучшалась. Так, на протяжении февраля 1946 г. – августа 1947 г. в отделении № 23 был зафиксирован лишь один случай смерти среди военнопленных.

Численность контингента менялась в силу постоянных перебросок пленных из одного отделения в другое на территории Магнитогорска и Челябинской обл., сопровождавшихся сухими фразами «по служебной необходимости». Однако число полностью трудоспособных постоянно сокращалось, а численность категорий «ослабленный контингент» (ОК) и «лазарет» (Л), напротив, возрастала. Наибольший рост заболеваемости и состава категорий «ОК» и «Л» относятся к зимнему периоду и ранней весне. Это объяснялось как неблагоприятными климатическими условиями, так и длительностью пребывания в плену и общим истощением сил. Руководство лаготделений совместно с санитарной частью первоначально увеличивало только численность ослабленного контингента и больных, находящихся на стационарном лечении, но к маю 1947 г. скрывать показатели дистрофии больше не было возможности. В результате в отделении № 21 появилось 26 военнопленных с дистрофией первой степени (категория «Д I»), в июне их стало 249, в июле – 158, в августе – 82.

Руководство лагерного управления разработало «комплекс мероприятий, направленных на прекращение деградации контингента». Среди них – размещение разных категорий военнопленных в отдельных помещениях; перевод рабочих категорий «III 4» и «III 6» на более лёгкий труд, а рабочих «ОК» и «Д I» – на полугоспитальный режим; наблюдение за каждым приёмом пищи у наиболее ослабленных военнопленных; выделение дополнительных горячих обедов для здоровых в количестве 700 блюд с содержанием жиров, овощей и капусты в каждом блюде; наконец, взвешивание военнопленных каждые пять суток и добавление в пищу лука и крапивы⁴⁶. Одной из крайних мер было переливание крови и периодическое вливание ослабленным физраствора, глюкозы и т. п.

Однако усилия медицинских работников не принесли желаемого результата – военнопленные (454 человека) по-прежнему теряли вес (табл.)⁴⁷. Восстановиться они не имели возможности, потому что минимальное улучшение состояния здоровья или набор веса приводили к переводу в категории «I» или «II», где продолжительность рабочей смены и степень тяжести труда увеличивались. Военнопленные были задействованы на наиболее сложных участках

⁴⁴ Там же, оп. 2, д. 1, л. 1 об.

⁴⁵ Там же, оп. 3, д. 1, л. 7 об.

⁴⁶ Там же, ф. 157, оп. 1, д. 7, л. 124.

⁴⁷ Там же, л. 183.

**Изменение веса военнопленных разных категорий отделения № 23
за май 1946 г. – август 1947 г.**

Изменение веса	I	II	III 6	III 4	Д I	ОК	Лазарет
Убыло до 1 кг	13	33	91	76	20	5	11
Убыло до 2 кг	3	24	36	44	16	7	3
Убыло до 3 кг	5	10	19	25	4	—	9
Прибавили 1 кг	30	72	120	86	25	5	5
Прибавили 2 кг	18	43	69	52	13	8	6
Прибавили 3 кг	12	59	67	48	8	4	3
Нет изменений	22	75	172	157	43	4	3

Составлено по: МГА, ф. 157, оп. 1, д. 7, л. 150–183.

работы: кирпичный завод, железная дорога, управление коммунального хозяйства металлургического комбината, трест «Магнитострой», стекольный завод, сезонные работы в совхозах Магнитогорского района и проч. Кроме того, норма рабочего времени военнопленных нередко оставалась на бумаге. Так, военнопленные категории «III 6», занятые на кирпичном заводе, работали ежедневно по восемь часов вместо шести⁴⁸.

Фактически продолжительность рабочего времени зависела от условий конкретного производственного объекта, категории военнопленного, его физического состояния и колебалась от 4 до 16 ч. На открытых работах добиться полной продолжительности рабочего дня было совсем не просто, особенно зимой. Так, военнопленные категорий «I» и «II», занятые на разработке мёрзлого грунта, практически никогда не работали по 8 ч, а заканчивали работы по истечении 5–6 ч. Рабочие-военнопленные деревообрабатывающего комбината (ДОК), занятые на выгрузке опилок, работали, стоя в воде без резиновых сапог⁴⁹, поэтому рабочая смена сокращалась до 4–6 ч. Неоднократно фиксировались случаи, когда, например, военнопленных категорий «III 4» и «III 6» привлекали к тяжёлым работам (бетонный, гранитный карьер, цементный цех) совместно с пленными категорий «I» и «II»⁵⁰. Естественно, это сказывалось как на качестве работ, так и на физическом состоянии военнопленных.

Стоит указать, что руководство отделений старалось улучшить организацию труда военнопленных. Контингент был разбит на бригады и трудился на 16 производственных точках, отдалённость которых друг от друга составляла 1–8 км. На дальние расстояния (7–8 км) военнопленных отвозили на машинах. Переброска работающих с участка на участок осуществлялась, судя по отчётам начальника отделения № 23, в исключительных случаях. Специалисты работали в соответствии со своим профилем. «Производительность труда стимулируется выдачей дополнительного питания. Из 16 производственных точек, дополнительное питание выдаётся в 5. Исключительно хорошо организовано дополнительное питание на очистке снега ЮУЖД (20 чел. военнопленных). Им выдаётся дополнительный и основной обеды (два горячих блюда, чай, 400 г хлеба). Контингент на этих работах не только не деградирует, но и быстро восстанавливается. Всё это ведёт к перевыполнению плана на 100–130%. Зара-

⁴⁸ Там же, оп. 2, д. 1, л. 11.

⁴⁹ Там же, л. 13 об.

⁵⁰ Там же, оп. 1, д. 1, л. 6.

ботная плата составляет 17 руб.», — так рапортовал начальству в Челябинске начальник этого отделения А. Буцкий⁵¹.

Травматизм в значительной мере вызывался тем, что «рабочие места не оборудованы, техника безопасности не соблюдается»⁵². Так, на кирпичном заводе территория, по которой ежедневно провозили вагонетки с грузами, была размита водой до такой степени, что вагонетки приходилось толкать четверым рабочим. Часто они не справлялись, вагонетки падали, приводя к многочисленным травмам. Так, за 3–8 марта 1947 г. на этих работах пострадали 8 человек (ушибы стоп и множественные переломы)⁵³.

Руководство лагерных отделений оказалось между молотом и наковальней: с одной стороны контингент военнопленных нужно было сохранять, с другой — необходимо было отчитываться об объёмах выполненной работы. Существенным фактором повышения производительности труда военнопленных должен был стать учёт их «гражданской» специальности при распределении по объектам. Эти вопросы неоднократно обсуждались на совещаниях администраций отделений, выносились соответствующие решения, но проблема не решалась: «Военнопленные... заняты не по назначению... на подносе угля для отопления [жилья]»⁵⁴.

Необходимое условие эффективности труда — обеспечение производственным инвентарём. Однако большинство отчётов сообщает, что «процент вывода военнопленных на работу сокращается из-за отсутствия» инвентаря, в том числе перчаток, очков, защитных костюмов и проч.⁵⁵ Для улучшения производительности труда предлагалось организовать учебные курсы, регулярно проводить политзанятия. В отделении № 23 в марте 1947 г. было решено использовать «профтехобучение как фактор повышения производительности труда и сохранения физсостояния»⁵⁶. Ещё одним средством представлялось вовлечение в трудовое соревнование. Для этого применялись разнообразные средства агитации: графики трудовых достижений, дополнительное питание.

В целом жизнь военнопленных на территории Магнитогорска была довольно сложной — однако сомнительно, что в те годы можно было бы создать иные бытовые и трудовые условия. Здесь играл роль уже сам статус пленных, отношение к ним как к врагам. Да и сами они свою новую реальность воспринимали как чуждую и враждебную, с которой необходимо было смириться, чтобы выжить. Многочисленные мемуарные источники о пребывании в советском плену показывают, что для военнопленных сложность представляла не только материально-физическая сторона (антисанитария, климатические условия, тяжёлый физический труд, болезни и специфика их излечения), но и духовная (новый язык, внешний облик советских граждан, отсутствие возможности выбора). Всё это вынуждало вырабатывать определённые способы приспособления к действительности.

Самой простой классификацией стратегий приспособления является их разделение на легальные и нелегальные. Последние были широко распространены. В частности, военнопленные и интернированные нарушали правила

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, оп. 2, д. 1, л. 13.

⁵³ Там же, л. 23.

⁵⁴ Там же, л. 13 об.

⁵⁵ Там же, л. 15.

⁵⁶ Там же, л. 16.

внутреннего распорядка. Одним из наиболее распространённых нарушений были кражи. Воровали буквально всё – продукты, одежду, обувь, бельё, бумагу, карандаши. Размеры краж были разнообразными, но в большинстве – крайне незначительными. Так, военнопленный Гюнтер Мартин «похитил шинель» с целью продажи последней за территорией лагеря, за что получил 20 суток гауптвахты⁵⁷; Франц Ходенкау получил пять суток за «неоднократную кражу и присвоение личных вещей военнопленных»⁵⁸; Карл Шульц украл 11 кг картофеля⁵⁹; И.П. Кош пытался похитить две нательные рубашки⁶⁰; Иозеф Кочет украл три порции хлеба⁶¹, Берецкий обменял сахар на табак⁶² и пытался продать государственную простынь⁶³. 18 января 1949 г. при переборке картофеля в землянке подсобного хозяйства отделения № 24 «военнопленный Эрдман Иосиф Крестиан 1906 года рождения спрятал себе в брюки около 50 штук картофеля». Об этом сообщил военнопленный бригадир Миллер⁶⁴.

Заключённые совершали побег. Так, 7 января 1949 г. с гауптвахты бежал Макс Эрнст Ласке. Скорее всего, в данном случае побег стал реакцией на многократные аресты за мелкие кражи и дисциплинарные проступки⁶⁵. Больше всего побегов из лагеря военнопленных в Магнитогорске произошло в течение 1945 г., в обстановке особенно тяжёлых социально-бытовых условий. Было совершено четыре побега, сбежали семь человек, из которых военнопленный Швабель так и не был пойман⁶⁶.

Несомненно, в качестве своеобразной стратегии выживания может рассматриваться спекуляция. Так, военнопленный Эрих Ките скупал сигареты в городе и продавал их на один рубль дороже среди военнопленных. Только за 10 февраля 1946 г. ему удалось таким образом заработать 170 руб. Правда, подобные случаи были довольно редки, что, видимо, и не позволило начальнику отделения сформулировать соответствующее поступку дисциплинарное взыскание; в приказе не названы ни срок, ни форма наказания⁶⁷.

Среди легальных форм приспособления следует назвать сотрудничество с лагерным руководством, с бригадами по месту трудоустройства; качественный и самоотверженный труд; налаживание контактов с местным населением; доносительство; изучение русского языка; конструирование приятных воспоминаний (например, о доме, семье) и аналогий привычного образа жизни. Имела место и негативная адаптация, которая проявлялась в убеждённости военнопленных и интернированных в своём культурном превосходстве над местными жителями.

Анализируя самоотверженный труд как способ приспособиться к окружающей действительности, получить дополнительный паёк и, как следствие, выжить, интересно проследить отношение к труду самих военнопленных. Разумеется, подневольный труд не может вызывать положительных оценок, но

⁵⁷ Там же, ф. 156, оп. 1, д. 1, л. 55.

⁵⁸ Там же, оп. 2, д. 4, л. 25.

⁵⁹ Там же, л. 33.

⁶⁰ Там же, л. 43.

⁶¹ Там же, д. 5, л. 2.

⁶² Там же, д. 4, л. 8.

⁶³ Там же, л. 24.

⁶⁴ Там же, оп. 1, д. 7, л. 2.

⁶⁵ Там же, д. 8, л. 1.

⁶⁶ Там же, ф. 159, оп. 2, д. 1, л. 6.

⁶⁷ Там же, оп. 1, д. 4, л. 11 об.

многие свидетельства содержат оценочные нюансы. Так, военнопленный Куперман, работник железнодорожного транспорта, указывал на необходимость воинской дисциплины и оформления простоев специальными актами, отмечал, что нормально работать им не дают руководство, неверная организация труда и качество оборудования⁶⁸. Горлейн сообщал, что трапы для погрузки кирпича отсутствуют, нет света, а это существенно затрудняло работу и снижало показатели выработки. Командир взвода на ДОКе Проинштадт жаловался, что «начальник требует норму выработки, а мастер перебрасывает людей на другие виды работ... Мастер ругается, бьёт людей, дополнительной пайки не дают»⁶⁹. Фалах, работавший на стекольном заводе, обращал внимание на вредные условия труда и отсутствие элементарных условий, в частности, «рабочим военнопленным не выдавали рукавицы, мыло»⁷⁰.

В целом военнопленные были готовы трудиться, но при условии соблюдения техники безопасности, хорошего снабжения и продовольственного обеспечения. Иногда они отказывались работать – как правило, если речь шла о самой неквалифицированной работе. Так, группа интернированных рабочих – Генрих Швейкеди, Лаюш Лоренц, Ференц Кюремфельт и Лаюш Надь – 2 марта 1946 г. «отказались чистить уборную», за что руководство отделения назначило им по 10 суток гауптвахты⁷¹.

К 1947 г. условия трудовой деятельности военнопленных стали более приемлемыми. Военнопленный Гейнер связывал это изменение с тем, что люди привыкли к выполнению своих обязанностей. Однако он предлагал способы усовершенствования работы на кирпичном заводе: «Вагонеток не хватает, а линия, по которой вагонетки ходят, не пригодна к использованию. Всё это не позволяет выполнять норму. Предлагаю поставить 5 вагонеток вместо 4, увеличить число электрических лампочек, чтобы в случаях отключения электричества не было простоев в работе». Он также отмечал, что хороший кирпич изготовить из плохой глины и песка невозможно. Просил навести порядок на складе для хранения кирпича – но изменений не было. Начальники цехов предприятий, где трудились военнопленные, объясняли низкие показатели выработки и невыполнение плановых показателей тем, что военнопленные не хотят работать. В частности, начальник первого цеха кирпичного завода Ляпунов заявил: «Если бы они хотели выполнить норму, то выполнили бы её. На брусовке люди работают слабо, люди очень много ходят и мало делают... простои бывают из-за плохой погоды»⁷².

Самоотверженный труд и соблюдение дисциплины в быту поощрялись руководством лагеря. Основной формой вознаграждения выступали небольшие денежные премии (5–10 руб.) и зачисление в комнату отдыха на 10 дней⁷³.

Военнопленные и интернированные рабочие контактировали с местным гражданским населением. Формы такого взаимодействия были самыми разными: от общения, купли-продажи продуктов, совместных праздников до сожительства и воспитания детей. Так, 17 марта 1946 г. старший барака интернированных рабочих П. А. Бернат покинул зону и ушёл на посёлок второй плотины,

⁶⁸ Там же, ф. 157, оп. 1, д. 1, л. 27.

⁶⁹ Там же, л. 10.

⁷⁰ Там же, л. 27.

⁷¹ Там же, ф. 156, оп. 2, д. 1, л. 79.

⁷² Там же, ф. 157, оп. 1, д. 1, л. 10.

⁷³ Там же, ф. 159, оп. 1, д. 4, л. 16, 16 об, 17, 19 и др.

где «с гражданскими людьми пьянствовал». Кочегар бани Бэл Кири жил «с женщиной из гражданских из посёлка второй плотины», а кочегар Д. Шандор регулярно «общался с местным населением»⁷⁴. Чаще всего контакты военнопленных и гражданского населения были связаны с меновыми операциями. Военнопленные выменивали новое нательное бельё на табак, продавали одни продукты, покупали на городском базаре другие и т.д.⁷⁵ Крайне распространены были обмен золотых колец на продовольственные товары, а также продажа гражданскому населению кокса, дров, досок, украденных на производстве⁷⁶. Имели место забавные случаи, когда, например, военнопленные Ференц Фееш и Лайош Поркалаб прямо во время смены смогли продать рабочие столы инженеров⁷⁷.

Шире контактировали с гражданским населением расконвоированные⁷⁸. Так, в приказе начальника отделения № 21 от 23 августа 1946 г. отмечалось, что среди них «имеют место... нарушения маршрута следования на работу и с работы; хождение без какой-либо надобности по городу, хождение по квартирам жителей города»⁷⁹. Необходимость общения с гражданским населением объяснялась объективными факторами (стремление выменивать продукты, одежду, табак, желание вести жизнь, более или менее близкую к нормальной, отмечать праздники, дни рождения и проч.).

Конструирование приятных образов прошлой жизни было, несомненно, необходимым условием для сохранения психического здоровья. Как вспоминал один из сотрудников охраны лагерного отделения Магнитогорска, вечерами после отбоя военнопленные «лопотали на своем языке без перебоев, смеялись... доставали карточки с родными»⁸⁰. Ярким проявлением адаптации к советской действительности было благоустройство ими территории лагерных отделений: они разбивали небольшие клумбы, устраивали спортивные площадки. Так опыт познания новой действительности пересекался со стремлением к традиционной идентичности.

Изучение языка стало также специфической формой выживания в плену. Непонимание приказов часто формировало конфликтные ситуации между пленными и лагерной охраной, нередко заканчивавшиеся побоями или отправкой на гауптвахту. Поэтому большинство обитателей лагерных отделений довольно быстро усвоили минимальный набор слов, с помощью которых могли изъясняться. Некоторые военнопленные, достаточно быстро и хорошо освоившие язык, даже оказывали услуги переводчиков.

Сложно говорить о такой специфической форме адаптации, как «доведение себя до дистрофии», но отчёты начальников лагерных отделений сообщали о таком явлении довольно регулярно. Возможно, некоторые военнопленные, желая избежать вывода на тяжёлые работы осенью и зимой, действительно предпочитали оставаться в категории «ослабленного контингента». Так, принадлежавший к ней военнопленный Карах из 4-го батальона отделения № 21 продавал свои пайки хлеба, тем самым препятствуя восстановлению физических сил⁸¹.

⁷⁴ Там же, ф. 156, оп. 2, д. 1, л. 80.

⁷⁵ Там же, ф. 159, оп. 1, д. 4, л. 1.

⁷⁶ Там же, л. 2.

⁷⁷ Там же, л. 5.

⁷⁸ Там же, л. 1.

⁷⁹ Там же, л. 7.

⁸⁰ Воспоминания Н. Я. Митрохина. Записано Н. Н. Макаровой в 2009 г.

⁸¹ МГА, ф. 159, оп. 1, д. 4, л. 7.

В фонде 156 выявлены любопытные приказы начальника лаготделения Богданенко о наложении дисциплинарного взыскания на военнопленного Штефана Гайера «за деградацию своего физического состояния, за самоистощение, за недоедание своего пайка и за доведение себя до дистрофии умышленно»⁸².

Для расширения рациона питания военнопленных и в условиях тотального дефицита в пищу часто добавляли лебеду и крапиву (для чего заставляли пленных собирать эти травы), однако понимания со стороны иностранцев не встретили. По словам сотрудника охраны отделения № 23, «пленные бунтовали и отказывались есть выпечку с примесью крапивы»⁸³.

Характерной чертой функционирования лагерей явилось создание отделения на территории исправительно-трудовой колонии — что объяснялось наличием минимальной инфраструктуры для размещения контингента военнопленных и значительной убылью «отечественных» заключённых. Кроме того, число развёрнутых в Магнитогорске лаготделений не соответствовало количеству военнопленных. Поэтому социально-бытовые проблемы в 1944–1945 гг. проявились особенно остро. В последующие годы началось сокращение отделений, военнопленных постепенно репатриировали, ситуация постепенно улучшалась, однако оставалась далёкой от идеала.

Специфика труда военнопленных в Магнитогорске заключалась в том, что они использовались в самых разных отраслях: строительство промышленных и жилых объектов; работа на железной дороге, кирпичном заводе, в подсобных хозяйствах, близлежащих колхозах и проч. Об эффективности подневольного труда военнопленных, впрочем, можно спорить. Безусловно, в условиях послевоенной разрухи и недостатка выносимых свободных рабочих их использование сыграло определённую положительную роль. Но если учесть расходы на содержание контингента и оценить рентабельность принудительного труда, средства на содержание охраны, строительство специальных лагерей, лечение, обмундирование и т. д., то окажется, что коэффициент полезного действия зачастую оказывался относительным. Военнопленные испытывали массу социально-бытовых трудностей, практически постоянно находились в болезненном состоянии и были вынуждены вырабатывать легальные и нелегальные формы приспособления к обстоятельствам. Вопрос о степени их погружения в советскую действительность крайне интересен, но дать однозначный ответ на него сложно. В силу ряда причин военнопленных невозможно было изолировать от мирной жизни на территории города. Каждодневный совместный труд с местным населением, расконвоирование части контингента в условиях военной экономики стирали жёсткую границу, обозначенную колючей проволокой.

⁸² Там же, ф. 156, оп. 2, д. 4, л. 4.

⁸³ Воспоминания Н. Я. Митрохина.